

Ольга Батлер
Золотой жёлудь

Асгарэль. Рассказы

18+

Ольга Батлер
Золотой жёлудь.
Асгарэль. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44776181

SelfPub; 2019

Аннотация

Ольга Батлер – прозаик, журналист, кандидат философских наук. В 2002-2013 годах была постоянным автором "Независимой газеты". Её очерки вошли в книгу "Моя маленькая Британия", опубликованную издательством БХВ-Петербург. В новый сборник автора вошли рассказы разных жанров – здесь и фэнтези, и театр абсурда, и городская проза с элементами мистики.

АСГАРЭЛЬ

Пузатая, слегка косолапая, в самые первые дни баба Нюша много ходила по коридору. Она человек общительный, поэтому другие старики вскоре запомнили её живые глаза, розовые дряблые щеки с прожилками и аккуратный седой пучочек с пластмассовой заколкой. Но теперь бабы Нюши почти не видно. Тихо, как мышка, лежит она под казенным байковым одеялом, глаза полуслепы от слёз, пучок растрепан – заколка пропала, а другой нет.

Её жизнь в доме для престарелых обернулась адом. Соседка по палате дерётся, отнимает еду, и пьяные няньки не лучше – воруют деньги, матерятся, называют Нюшу вонючей бабкой с тряпками. Проблемы с мочевым пузырем у неё давнишние, ещё после той операции начались, но Нюша всегда была чистюлей: подкладывала белые пелёнки, которые стирала по нескольку раз в день. С батареи в помывочной их сбрасывают, поэтому она и сушит свои тряпочки на кровати.

– Поскорее б умереть! – шепчет в мокрый кулак никем не любимая Нюша. Если бы не грешно было убивать себя, она давно взяла бы байковый пояс от халата да повесилась вон на том крючке.

Посетители у неё были лишь однажды – Светлана Марковна с Женечкой. В прежние времена Нюша часто гуляла с ними в Тушине. Запоминающаяся была тройца: импозант-

ная Светлана Марковна в шляпе, простоватая Нюша в козьем платке и вечный мальчик Женечка. Женечке под пятьдесят, но он без конца спрашивает: «Тут не страшно?» «Не страшно, не страшно», – с улыбкой обнимала его Нюша, снова чувствуя себя сильной и нужной.

Но вот теперь стало страшно, по-настоящему страшно. Женечка это сразу понял. Войдя в дом для престарелых, сын Светланы Марковны затосковал. Наверное, почувствовал, что ему самому придется заканчивать дни в подобном месте. Он спрятал лицо на материнской груди и выл, пока Светлана Марковна не пообещала ему сей же момент вернуться домой. Так и не удалось бабе Нюше пожаловаться приятельнице. А больше никто Нюшу и слушать не захочет.

Но её услышали – в золотистой прозрачной сфере, полной бликов и лучиков. Внутри плавали два сияющих шара, большой и маленький, и всё заливал яркий свет.

– Асгарэль, ты неопытен и поэтому нетерпелив. Пойми, такие истории не редкость, – сказал тот, который был больше и ярче, его окружали потоки мощно струящегося света.

– Я просто хочу понять, – возразил маленький, похожий на солнечного зайчика. – Она была злой? Многих обижала?

– Я проверю, – перед старшим завис предмет, отдалённо напоминавший раскрытый стручок фасоли. На одной стороне этого несимметричного стручка была полоска из светлых фасолин, а на другой – всего лишь одна чёрная фасолина.

– Я вспомнил её. Она обижалась, как маленькая, если с

ней не делились сладостями. Но в остальном была доброй. Хотя и огорчала меня своей непонятливостью – жила одним сердцем, не раскрывая глаз.

– Покажи мне её историю, – попросил маленький.

– Что ж, покажу, – не сразу согласился старший. – Тебе надо на чем-то учиться.

И он, словно книгу с живыми картинками, начал листать человеческую жизнь перед Асгарэлем.

Детство. Пятилетняя Нюша в новом платье прячется среди множества ног под накрытым скатертью столом. Её родители принимают гостей. В разгар застолья все с торжественными лицами поют, вкладывая душу в пение. Нюше кажется, что всё это будет с ней вечно – песня, любящие её взрослые, старшая сестра, друзья, двор.

Началась и закончилась война. Мамы с папой больше нет. Нюша – тонкая талия, пышная юбка – работает кондуктором в трамвае. Жизнь прекрасна! С весёлыми звонками несётся трамвай по тенистым московским бульварам, мимо домов, где в распахнутых окнах колышутся белые кружевные занавески. Вагоновожатый Сергей подарил Нюше букет. Счастье пахнет сиренью.

На этом месте старший заметил:

– Я сделал так, чтобы она потеряла паспорт перед самой свадьбой, но они всё равно расписались.

Поворот ключа в замке. Беременной Нюше стало нехорошо на работе, она вернулась домой раньше времени. На

диване лежит Сергей, его голова – на коленях у незнакомой женщины. Через два дня Нюша пойдёт к врачу. «У вас большой срок, – скажет врач. – Может быть, сохраните?» Нет, замотает она головой. Девочкам-близняшкам не суждено родиться на свет.

Похороны старшей сестры. Фотограф без конца снимает, в те времена покойников фотографировали. Нюша прижимает к себе осиротевшую племянницу. «Эх, Нюшка, хлебнешь ты с ней, непутевой!» – говорят злые бабы, но она только крепче обнимает испуганную Зину.

Ещё одна картинка. Слегка расплылась фигура и уже обозначился будущий живот, но кудри пока черны и глаза счастливо блестят. Запыхавшаяся Нюша стоит на балконе. Она только что отганцевала с Сергеем: вот ведь, довелось встретиться в гостях. Или хозяйева их нарочно свели?

Он выходит за ней на балкон, глаза – как у бездомной собаки: «Анюточка, а может, попробуем... вдвоём-то веселее». Ему негде жить после развода с той, что на Нюшином диване его ласкала, а у Нюши снова пустая комната – Зина недавно замуж вышла, да так удачно. «Нет, Сергей Иванович, забыты наши встречи и вечер голубой, – Нюша, отбив на балконе чечёточку, шутливо отмахивается от бывшего мужа. – Моя жизнь теперь и так веселая!».

У неё новый ухажёр – Фролович, вдовец с двумя маленькими детьми. Он плюгав, лысоват, трусоват, но Нюшино сердце видит лишь несчастного мужчину с малютками на

руках. Им нужна её любовь. Скоро Нюша с Фроловичем съедутся, обменяв свои комнатки.

Просторная солнечная комната в коммуналке, перегороженная посередине. В одной половине живет Нюша, в другой – ставший взрослым пасынок Толя. «Тётъ Нюш, – кричит он, раскачивая кресло-качалку, из которой ему улыбается девушка. – С нами лучше, чем с чужими, ведь правда? Мы ухаживать за тобой будем».

Нюша всегда дружно жила с чужими, числом в тридцать человек – система-то в коммуналке коридорная, но скоро их дом сломают. Некоторые соседи зовут Нюшу поехать с ними, а она отказывается. Ей с Толиком дадут отдельную квартиру в Тушине. И, когда Нюша умрёт, ведь умрёт же она когда-нибудь («Ну что ты, тетъ Нюш, живи сколько хочешь!» – сразу расстраиваются Толик и его жена Леночка), всё любимому пасынку останется.

– А здесь ты пытался вмешиваться? – спросил Асгарэль.

– Конечно. Она опять не хотела замечать.

Двухкомнатная квартирка в Тушине. Облысевший Толик пьёт пиво перед телевизором. Леночка, в одной комбинации, лежит на кровати с розовокожей болонкой. Услышав, что в комнате Нюши открывается дверь, она крадётся в коридор. «Ах ты старая лядь! – набрасывается там на Нюшу. – Опять по нашей новой дорожке ходишь, сколько раз я тебе говорила, чтобы по стенке шла!» Рыдая, Леночка возвращается в комнату: «Я больше так не могу. Пусть её племянница

забирает!» Как будто забыла, что Толик уже звонил Зине. У Зины муж большой начальник, и прекрасный дом, а в нём – интеллигентные гости, интересные разговоры. Попахивающая мочой старуха, со своими «значить» и «табареточкой», с этим несовместима.

– Асгарэль, перестань.

– А разве ты не плакал, глядя на её жизнь?

– Мы не можем обо всех плакать. Я давал ей знаки, пытался направлять – этого достаточно. Пойми, редко кто рождается и умирает в клетке, почти у каждого есть выбор.

– А что, если я сейчас отправлюсь туда, в самое начало?

– Ты не в силах поменять то, что уже произошло, – старший плавно переместился к куполу золотистой сферы, показывая, что заканчивает разговор. – Ты слишком импульсивен из-за одного человека, а мы должны служить всем и во все времена. Увижу тебя позже! – его лучистая энергия прошла сквозь прозрачную стену и сразу удалилась, став крошечной светящейся точкой.

Но вопреки наставлениям Асгарэль всё-таки отправился в прошлое. Ему нелегко было это сделать – сначала он заблудился в галактиках, потом его испугало Солнце, каждую минуту всходившее и заходившее над Ньюшиным городом (так быстро время летело назад). И тени уменьшались и исчезали, не успев как следует упасть на землю, и вода превращалась в лёд, чтобы сразу растаять и миллионом капелек уйти в небо. Сколько жизней, едва распустившись, сверну-

лось калачиком, исчезло в этой круговерти, под шум дождя и ветра, телефонные гудки, плач младенцев, одобрительный гул толпы и прекрасное женское пение. Но Асгарэль не отвлекался на них. Он искал Ньюшу и, наконец, нашел. Майский день, сирень цветет, трамвай несется по московскому бульвару: «Граждане, платим за проезд!»

Грустный от того, что ничего уже не изменить в этом состоявшемся времени, Асгарэль просто последовал за Ньюшей. Его любовь и сочувствие будут с ней, пусть она и не узнает об этом.

Вот Ньюша впервые поцеловалась со своим Сергеем, а вот, счастливая невеста, надела платье из пропахшего нафталином трофейного шифона. Вот она переживает измену мужа и глухо рыдает в подушку, придя от врача. Печальная Ньюшина судьба продолжает сбываться – назавтра назначена операция... Асгарэль сидит у изголовья её кровати. Если бы хоть что-то было в его власти. Но Ньюша не чувствует его нежных прикосновений. Так и заснула она, всхлипывая.

– Асгарэль! Что ты там делаешь? Немедленно возвращайся!

И снова солнце падало, как мячик, чтобы тотчас подпрыгнуть над землёй с противоположного края, и галактики кружились быстрее обычного. Всё было то же самое, только в обратном порядке. На полпути силы оставили Асгарэля. Сгинул бы он, превратившись в остывший уголёк, в припорошенного пеплом холодного карлика, но старший вовремя

нашёл его, вовлек в свой переливающийся круг и помчал на упругой волне света.

– Не делай больше таких глупостей, – сказал старший. – Ведь ничего не... – не договорил он. Всё вроде бы было прежним, и звезды оставались на месте, но что-то изменилось. Мир словно свернулся в трубочку и развернулся заново, став чуть светлее.

Войдя в прозрачную сферу, старший первым делом раскрыл человеческую жизнь, из-за которой едва не пропал Асгарэль. Он ожидал увидеть дом для престарелых. Но там оказался дачный домик в цветах, на крыльце стояла здоровая и весёлая баба Нюша. От неё пахло свежеиспеченными пирожками. Она только что позвала своих внуков, и загорелые мальчишки – один чернявый, цыганистый, как Нюша, другой белобрысый, в одних трусиках – с радостными криками неслись к дому: «Ура! Пирожки с капустой!»

Потрясённый, старший пролистал историю дальше и не увидел там ни Толика, ни его жены с облезлой болонкой, ни даже плюгавого Фроловича. Они больше не участвовали в Нюшиной судьбе. Зато были две дочки, которых Нюша трудно и бедно растила одна. Как это стало возможным?

Вот оно, утро: будильник показывает десять, он уже давно настырно и бесполезно отзвонил своё, ведь Нюше надо было к восьми на операцию. Но она никуда не собирается, сидит на кровати, задумчиво перебирая бахрому покрывала. Ночью ей приснился ангелок – жалкий такой, некрасивень-

кий, милый. Он плакал вместе с ней и просил не ходить в больницу.

– Асгарэль, это ведь я должен был учить тебя. Но вышло, что ты преподавал мне урок.

– А знаешь, – сказал маленький, – она в самом деле сладкоежка. У неё под подушкой спрятан кусок сахара.

Два шара – большой и маленький – плавают то рядышком, то порознь в золотистой прозрачной сфере, где всё залито ярким-преярким светом, невыносимым для человеческого глаза. А людей здесь и не бывает, не положено им здесь бывать.

МИЛОРД

Вы все, кто спит теперь
Вдали от рук любимых,
Кто плачет, что постель
Пуста наполовину,
Вы знайте, залит мир
Такими же слезами.
Один их пролил вмиг,
Другой их льёт годами*

Директор банка попросил своего водителя передвинуть сейф в кабинете. Задача оказалась непосильной: водитель суетился, то подталкивая железную машину, то обнимая

её и пытаюсь наклонить, но махина не откликнулась на его отчаянное танго.

Вошла Зина, заведующая банковским баром. Она поставила поднос с директорским ланчем на стол, подошла к сейфу, двинула бедром и... сейф переместился. В тот момент директор словно впервые увидел Зину.

– Больше ничего переставить не надо? – она деловито посмотрела на массивный кожаный диван.

Потом Зинаида неоднократно обнимала директора на этом диване. Летом диван был липкий, зимой холодный, но кто такие мелочи замечал.

По вечерам, когда банковские комнаты наполняла темнота, а коридоры – тишина, в баре, наоборот, становилось ярко и шумно. Там за душевно накрытым столом собиралась компания, две парочки: директор и заведующая баром, водитель и судомойка. Из закровов извлекалось всё самое вкусное, тщательно отобранное и обнюханное Зиной на предмет свежести, с любовью взбитое, обжаренное, запечённое, украшенное кинзой и молодым лучком.

Судомойка жевала без остановки, как гусеница. Она наголодалась прежде, работая инженером в одном НИИ. А Зина налегала на спиртное. Алкоголь постепенно делал своё дело: руки и ноги становились смелыми, в голове две тонких палочки начинали отбивать ритм. Тата-дада-дада... алэ вэнэ, Милор...

– Давай «Милорда», Зинуль!

Это был её коронный номер. Зина взгромождалась на стол и самозваной русской Пиаф тяжело шла по нему, сметая всё на пути – бутылки, розетки с недоеденной чёрной икрой, тарелочки с подкисающими салатами, стаканы.

– Алэ вэнэ, Милор, вуз ассуар ма табль!

Если Эдит была парижским воробушком, то Зина – крупной и крикливой птицей Восточно-Европейской равнины. Она трясла юбкой в такт своей песне, по очереди обнажая сильные ноги.

– Иль фэ си фруа дэор – правая! Иси сэ комфортабль – левая! Опа!

Глядя на неё, директор банка хватался своими маленькими руками то за сердце, то за край стола, словно стол был последним спасением перед разбушевавшейся стихией. Эх, господин директор... Не ходили бы вы в народ из своего шикарного кабинета, и всё бы хорошо закончилось. А теперь уж поздно: семибалльный шторм начался, корабль скрипит, брызги в лицо летят.

Он замороженно смотрел на мелькавшие перед его лицом коленки Зинаиды, на её телеса, выпиравшие из недлинных чулок со стрелками. Прародительница смертных, спаси. Чулки были на подвязках, а сами подвязки исчезали в чёрных коррекционных трусах. Ну и что, что коррекционные? Не нужны ему тонконогие красотки в шёлковом белье. Неинтересны ему эти травленные перекисью, эпилированные холодные рыбёшки. Ему земную Зину надо!

Страсть эгоистична. Зато со страстью не заскучаешь. У неё ноздри раздуваются и огонёк горит в глазах. По большому счёту, страсти плевать на вас. И разговор её с вами будет короткий. Зато страсть – это свобода.

А любовь жалостлива. Любовь тихонько плачет, предлагая забрать ваши страдания себе. Эта зануда, жертвенности полная, будет следовать за вами, обеспокоенно заглядывать в глаза и предлагать то чай, то микстуру. И, что особенно раздражает, она ничего не требует взамен. Быть её объектом означает постоянное чувство вины. Хуже такого – только когда вы за кем-то с микстурой ходите и плачете, сами в любовь превратившись. Привязанность к другому – это одна из самых тяжких несвобод. Это плен, подвластность, подчиненность, рабство, узда, оковы, кабала.

Если б директор намекнул, Зинаида бы его на руки взяла, маленького, и баюкала, про серенького волчка напевая. Но ему хотелось просто сгореть, отполыхать дотла, опять возродиться в сладких муках в огне её необъятных бёдер и ... уехать домой.

Гордая Зина глубоко в глаза никому заглядывать не собиралась. Поэтому – «лэссэ ву фэр, Милор». Что в переводе с французского означает: да здравствует свобода всех и каждого друг от друга. Без слёз обойдёмся. Ведь я всего лишь портовая девушка, Милорд... Тата-да-да-да-да!

Грех так кутить, когда страна голодает. Одним поздним вечером эти четверо выехали из банка и на скользкой дороге

их мерседес лоб в лоб столкнулся с грузовиком. Маленького директора выбросило в окно, он скончался на месте. Тела водителя и судомойки, спрессованные вместе с конструкциями иномарки, спасатели достали через два часа, срезав крышу. А заведующая баром выжила – она застряла между креслами и подушкой безопасности.

Но ногу ей пришлось ампутировать почти до колена. Выписной эпикриз состоял из непонятных терминов. Странно было прочесть в этой медицинской шифровке простые и, как показалось Зине, насмешливые слова: «История жизни. Вредные привычки отрицает. Контакт доступен»

Вернувшись домой, Зинаида сдала комнату влюблённой паре. По ночам из-за их стенки доносились звуки, будто крупная рыбина бьёт хвостом и плавниками, стремясь вернуться в родную стихию. Это подслушивание было единственным, что причащало Зину к жизни.

Когда молодые съехали, она два дня просидела на кровати, подсунув подушку под культю и перебирая телевизионные каналы. Несуществующая ступня болела – Зинино тело не хотело осознавать потерю. Наверное, дерево так же гонит соки к недавно спиленной ветке, к старой памяти изумрудным листьям. А листья уже свернулись в трубочки, догорают в куче садового мусора.

На третий день Зина напилась водки, проглотила все таблетки, какие нашла в прикроватной тумбочке, включила Пиаф. Подумать только, Милорд, достаточно одного кораб-

ля, Милорд. Корабль уплыл, и всё кончено... Вы плачете, мой господин?

Это, без сомнений, была попытка суицида. Зина попала в психушку.

На этаж там вела тяжёлая дверь с глазком и пятью засовами, зато палаты были совсем без дверей. В женском отделении жались к стенам бездомные пенсионерки в своих когда-то домашних байковых халатах и анорексичные суицидальные молодухи. В мужском отделении пациенты в оранжевых брезентовых штанах – так наряжали потенциально буйных – тоже вели себя смирно. В мужском вообще чудеса творились: сумасшедшие хотели казаться нормальными, нормальные косили под дураков, но как-то однообразно, словно по медицинским учебникам они симулировали – без того танца фантазии, который свойственен настоящему безумию.

Большой шум случался только по вине Ушанки. Этот пациент был натуральным психом. На голове у него красовалась шапка из облезлого рыжего зверька, и снимать её он категорически отказывался. Если кто-то отбирал у него головной убор, Ушанка по-детски неутешно рыдал и, закрывая руками свою беззащитную лысину, кричал, что его мозг простудится. В конце концов доктора махнули рукой на чудака.

Хотя, возможно, Ушанка всё хитро рассчитал. меховая шапка смягчала удары, а лупили Ушанку неоднократно. За чрезмерное любопытство. За то, что в больших количествах

воровал и прятал под чужими матрасами алюминиевые ложки. За то, что сигареты без конца клянчил.

– Деньги, деньги, деньги... Деньги портят человека! Особенно, если они ворованные! Воруем-веруем, воруем-веруем... Так, во что веруем? – Ушанка подсел со своей миской к Зине, когда та обедала у окна. Голос у него был несерьёзный, будто у Буратино, который старичком решил притвориться.

– Ни во что не веруем, – Зина недовольно покосилась на бледное одутловатое лицо Ушанки и стала смотреть на улицу, где на солнце загорала стая одномастных дворняжек.

– И в жизнь загробную не верите? – удивился он, шумно хлебая казённый суп с тонюсенькими ошметками курятины. Несчастливая курица была жертвой взрыва, ножом так расчленив птицу невозможно.

– Там что... – Зина кивнула на потолок, – есть кто-то? – словно ждала сообщения о только что сделанном открытии. – Хотите сказать, моя душа существует?

– И-и-и, милая моя... Бабочка в коконе, и та подозревает, что у неё имеются крылья... Ну хорошо! Перечислите, кто вас любит.

Зина рассердилась: на него, а заодно и на себя, что попала к дуракам и теперь не может даже сбежать от одного из них.

– Мужчина, вы мне не даёте поесть спокойно.

Она потянулась было за костылями, но тут ей вспомнились снимки в кабинете директора банка – сам директор,

его пышноволосяя жена с померанцевым шпиром на руках, двое детёнышей. Под пальмами, на фоне океана, на лыжном склоне, на веранде ресторана, в бассейне. Смеются, смеются, смеются. Даже шпир их рыжий улыбаётся... В компании этих семейных фотографий Ельцин на стене казался просто милым дедушкой.

– Никто меня не любит.

Набивший свой рот Ушанка обрадованно потёр руки, торопливо дожевал и попросил Зину перечислить самые яркие воспоминания.

– Не имею таких, – покорно призналась она.

– А если я предложу на выбор? Для релаксации – красивые уголки земного шара, океан, пляж с белым песочком. Для экстрима – восхождение на Арарат, сплав по реке Иркут. Амазония... Всё это есть в моей мемотеке.

Зина впервые улыбнулась, и глаза Ушанки блеснули.

– Я нескромно допускаю, – быстро зашептал он, осмотревшись по сторонам, – что уже сейчас Нобелевка мне обеспечена. Мой научный проект заключается в том, что можно пересаживать воспоминания от одних людей к другим. Вы представьте! Один человек пережил прекрасное, и все смогут вслед за ним насладиться этими звуками, запахами, красками. И знания можно передавать. Трансплантация информации вместо пяти лет учёбы в институте, потом немного практики, и специалист готов... А полёты в космос! Мы станем соучастниками открытий и подвигов. У меня, кста-

ти, есть знакомый космонавт, на «Салюте» летал. Подарил некоторые эпизоды – звёзды, яркие краски на фоне чёрного космоса. Не желаете?

– Ну вот, приехали, – пробормотала Зина. – Здравсьте, жевившись, дурак и дура...

– Что сказали? – не расслышал Ушанка.

– Я сказала: давайте, валяйте! Согласна на воспоминания космонавта! – к Зине на минуту вернулась былая бесшабашность. – Я, кстати, в день космонавтики родилась. Где там ваша мемотека?

– Да вот она, всегда со мной.

Ушанка снял с себя шапку, шустро нахлобучил на голову растерявшейся Зине и завыл таинственно:

– Начинаем трансплантацию воспоминаний. Раз, два, три... Ёлочка, гори!

Зина с отвращением сорвала с себя провонявший куревом головной убор. Ушанка подхватил его и, спасаясь от двух плечистых нянек, восьмёрками забегал вокруг столов.

– Опять, паразит, ложку украл! – крикнула одна из них, широко разводя натренированные руки, чтобы не упустить беглеца.

Зина посмотрела на свой стол – а ведь, в самом деле, украл...

Через неделю, проходя мимо неё по коридору, Ушанка заговорщицки подмигнул ей и похлопал себя по шапке:

– Копилка коллективной памяти!

Бред, конечно. Но, если уж суждено тебе было родиться в этом театре, отнесись с уважением к репертуару – драматическому, комедийному. Заодно к реквизиту присмотришься. Ружьё обязательно выстрелит, вода в стакане будет выпита, постель – смята, а стоявшая в углу сцены бутафория окажется вдруг машиной времени, которая издаст нездешний и никому кроме тебя не слышный гул, замигает невидимыми огоньками и помчит тебя куда ты совсем не собиралась...

Зине несколько ночей снились странные сны, пересказать их было невозможно. А однажды днём, уже дома, допивая кофе, она вдруг вспомнила себя в невесомости, в спальном мешке, на космической станции. Надо было завинтить гайку на приборе, и она как раз собиралась это сделать – у мешка были прорези для рук.

Потом она испытала и вовсе невероятное. Ослепительный свет – ни огня, ни взрыва, ни пожара. Свет проникает на станцию через непроницаемые бортовые стенки. В иллюминатор виден человеческий силуэт размером с авиалайнер. Проплывающий рядом со станцией огромный человек с прозрачными крыльями и нимбом смотрит на Зину с такой любовью, что ей хочется разрыдаться от благодарности и спросить: кто ты, прекрасный незнакомец? И почему добро мне?

– Я, между прочим, за безногой ухаживаю, грязь за ней вожу, – это соседка Ниночка жалуется кому-то по телефону. Костыли... И окна квартиры, как иллюминаторы. Кос-

монаху Зине обязательно надо выйти в ставший опасным мир. А ещё кухню надо привести в порядок, плитки отваливаются.

Для ремонта она наняла Мишу.

Дальше история будет о том, как от безысходности прибились друг к другу два обездоленных человека, инвалидка и гастарбайтер.

Она наврала ему про возраст, убавив себе восемь лет. Он поведал ей свою жизнь. Работал на оборонном заводе, пока всё в большой стране не развалилось. Потом на заработки в Россию ездил, а жена загуляла, стала наркоманкой. Дети сгорели в доме из-за телевизора...

Тогда Зина рассказала ему про космос и про ангела.

– Он исчез, и так грустно стало.

– А какое лицо у него было?

– Он улыбался. Но не так, как мы, а с восторгом, понимаешь?

– Не-а. Покажи.

Зина улыбается. Миша хохочет.

Ночью он гладил её бережно, словно боялся принести изувеченному женскому телу новые страдания. Последний раз Зина чувствовала себя такой беззащитной и одновременно защищённой только в детстве. А ещё ей стало очень-очень жалко себя и Мишу. Борясь с этой слабостью, она бестактно спросила:

– Когда у тебя последний раз любовь была?

– Давно. Как развёлся, ничего не хотел...

Вскоре Миша устроился ремонтировать богатую квартиру в Подмосковье. Хозяйка капризничала, бригадир обманывал, и только штукатур по фамилии Попеску сочувствовала Мише. У этой Попеску – ни морщинки под глазами, грудь мягкая и глаза бархатные, как июльское небо в полночь над родной Рыбницей.

– Михаил, ты скажи своей Зине, что к тебе сестра приехала. Мы с тобой у неё жить вместе начнём.

Миша истуканом замер в пыльных объятиях штукатурщицы.

– Не, я Зинку обманывать не буду.

Бригадир, спускаясь со стремянки, заржал.

– Дурак ты нищий. Нужен что ли будешь своей Зинке, когда она на ноги встанет? Нормального найдёт, а тебя мокрой тряпкой погонит.

Домой Миша пришёл с разбитым носом.

Другой работы не было. Решили обменять квартиру на меньшую.

– Зинаида Сергеевна, зачем вам Москва. Берите уютный домик в Верее. Гарантирую свежий воздух в ваших лёгких и кучу денег у вас в кармане. Ну что, отметим такое решение? – предложил риэлтор, разливая по стаканам принесённую с собой водку.

Миша даже не пригубил спиртное. Этот человек показался ему страшным, как самая чёрная ночь, в которую ду-

шегубы выходят на свой кровавый промысел...

– Женщина, он же вас использует! Его депортировать надо! – кричал риэлтор, хватаясь за притолоку, и грозил Мише. – Я тебе, гад, припомню. В лесу зимой наручниками сам себя к дереву пристегнёшь, а ключик выбросишь!

Москва стала в то время гиблым местом. Квартирный вопрос не столько портил москвичей, сколько убивал их, а жестокосердая столица словно не замечала потерь. Постоянно прибывающие провинциалы наполняли её своей энергией, даже говор новый у Москвы появился. И внешность поменялась. Вроде вчера ещё была твоей задушевной знакомой, а сегодня ведёт себя, как ушлая бизнес-баба: фасады увешаны рекламными щитами, на первых этажах казино сверкают огоньками, углы облеплены ларьками.

Приезжие не брезговали никакой работой. Столица не стеснялась этим пользоваться. Самые удачливые из них расселись в офисах, принялись листать на досуге глянцево-журналы про ритмы мегаполиса, издаваемые для них другими провинциалами, и через англоязычную газету поздравлять друг друга: «Happy birthday, Sasha!» – как раз под объявлениями проституток.

Ночь за окнами белеет, становится недолгим зимним днём, и я тоже вижу себя летящей над землёй – над заснеженными полями, по московскому небу, мимо куполов Блаженного, над крышей «Националя», над усталым Ломоносовым с голубем на голове. В моей Москве пестрит шарфами и

звенит голосами каток на Чистых прудах, и в комнатах с высокими потолками бабули дымят сигаретками, допивая кофе из фамильного фарфора, и твякают вредные собачки под их руками, и две старые школьные подруги на свежем морозце неспешно меряют шагами отлогие переулки Ивановской горки...

Собрав кое-что из старых безделушек, Зина отправила Мишу на блошинный рынок. Там на цепи сидел пьяный медведь и шныряли в толпе юркие беспризорники. Обнищавшие профессора палеонтологии скучали рядом со своим товаром: навсегда закрученными в рожок аммонитами, рогатенькими трилобитами, чудовищными ракоскорпионами и зубами древних акул. Гуманитарная дама читала «Новый мир» над вышитыми платочками. Продавцы разложенной на асфальте звёздной меморабилии пили чай из термоса и, поджидая покупателей, играли в шахматы.

От одного развала к другому деловито переходили остроглазые интуристы, по дешёвке скупая бронзовые бюстики Ленина, досаафовские значки и прочие артефакты континента, который раскололся и ушёл под воду. Это ж надо, вчера ещё непотопляемым казался. А сегодня – где он? Только последние пузырьки прорываются на поверхность, да мусор всплывает: пёстрый тряпочный скарб, вымпелы какие-то – золотом по красному, антикварная рухлядь, старые книги, древние жестянки из-под монпансье, расчленённые пластмассовые пупсы с руками на длинных верёвочках...

Законы небесной механики работают медленно, зато верно. Продавший Зинины вазочки Михаил сделал несколько кругов возле меморабилии и – была не была – азартно поторговавшись, купил Зине подарок.

– С днем космонавтики!

– Все деньги потратил, – расстроилась Зина. – Я в него и не влезу.

Вечером они сидели на тахте, рассматривая покупку.

– Зин, а вот интересно, что космонавт там чувствует.

– Свободу. От всех земных хлопот. И ещё головную боль он чувствует из-за невесомости, – ответила Зина.

– А как они там на космической станции чай заваривают. И одежду как стирают. И чем они предметы к стене прикрепляют?

– Считаешь, я это теперь знать должна?

Да... Вопросов больше, чем ответов.

У находящихся в космосе – то же. Мимо проплывают на чёрном фоне звёзды, планеты, и ты хочешь понять: ведь кто-то это чудо создал, кто-то всем этим движением управляет?

А Земля так близка. Кажется, её можно потрогать и ладони намочить в океанах. И как на этом голубом сияющем шаре умещается целый мир с лесами, пустынями, реками, деревнями, городами? В городах – красивые квартиры, где на туалетных столиках пузатятся разноцветные дорогие парфюмы и играют лучиками ещё тёплые, только что снятые с женских пальчиков кольца, и в холодильниках замеча-

тельная еда – сыры, нарезки, оливки, у которых в пупочках спрятаны анчоусы; и бутылки пива, штабелем холодеющие на нижней полке. И ещё все эти шали, платья, лёгкие шубы в благоухающих шкафах, туфли с разной высоты и остроты копытцами. И мобильники, вибрирующие от эсэмэсок: «Пужинаем где-нибудь?», «А может, в театр?»

И есть на Земле некрасивые вещи, страшные вещи. Набухшие окурки в стакане, шприцы и жгуты рядом с ложкой, в которой приготовлен наркотик. Кровавая жестяная окрошка на обочине дороги, ещё минуту назад бывшая быстрым и сияющим автомобилем. Больничный контейнер с ампутированными конечностями. Дымящийся остов дома. Два маленьких гроба возле вырытой могилы.

Что будет, если материальный мир вдруг распадется на атомы, завихрится и исчезнет в неожиданной космической воронке? Наверное, останется нематериальное, не поддающееся вычислениям. Наверное, оно будет выглядеть, как маленькие светляки, тянущиеся друг к другу. Когда один светляк слабеет, мерцает и гаснет, почти сливаясь с сумрачной небылью, другие светляки спешат поделиться с ним своей невеликой силой.

И над всем этим – проникающий до самых печёнок голос (звук, он ведь нематериален?). Пиаф поёт о том, что не надо бояться чужого тепла, что корабли не только уплывают, но и возвращаются в свои морские и космические гавани, и что счастье приходит, когда ты уже забыл о нём.

– Миш... Хочу тебе одно признание сделать. Я ведь возраст свой убавила.

– Да знаю я уже...

– А вот скажи, ты никогда не думал, что мы могли бы встретиться лет десять назад?

Спросив, Зина представила малышей с волосёнками, пахнущими мёдом и молоком. Эти доверчивые человечки топали по дому и задавали тысячу вопросов маме и папе – ей с Мишей.

– Ты б на меня тогда не посмотрела, – махнул рукой Миша. – Москвичка, фу-ты ну-ты.

– Не фу-ты ну-ты, а специалист по беспилотным летательным аппаратам. Мы с тобой ещё ракету построим.

– Зин... Неужели псих тебе и это... пересадил?

– Пересадил, пересадил! И красный диплом нарисовал! – развеселилась она.

В тот день Зина загадала желание. Ничего особенного не попросила, ей просто захотелось быть рядом с Мишей через пять лет, и через десять.

Пожалуйста, ну пожалуйста, давайте, Милорд, ведь будущее полно сюрпризов...

Через десять лет появятся бионические протезы.

Получилось, Милорд!

Купленный в Измайлове скафандр будет оценён на солидном аукционе в сумму со многими нолями.

Ещё, Милорд!

Атлантида вдруг передумает лежать под водой и, устроив небольшие цунами в обоих полушариях, поднимется на поверхность.

Браво, Милорд.

Известный космонавт выступит по телевизору.

– Видели ли вы ангелов в космосе? – спросят его из зала, а Зина закричит у себя на кухне:

– Миш, ты только послушай! – чтобы вместе с мужем замереть перед экраном.

Космонавт ответит не сразу. Он сначала посерьёзнееет, потом рассмеётся.

– Конечно, видел.

И переведёт разговор на другую тему.

* Викрам Сет, индийский поэт и прозаик. Пер. автора рассказа

ЛАДУШКИ

Неприхотливость – одна из главных добродетелей. В командировку Хотэко Игараси отправился в плацкарте. Улёгшись на верхней полке, он привязал руку вафельным полотенцем к поручню, чтобы не упасть во сне, но так и не задремал. Рядом находился туалет с металлической дверью. Одни пассажиры громко ею хлопали, другие оставляли её распах-

нутой (приходилось закрывать за ними).

Конечным пунктом поездки японца был маленький российский городок Т., там открывался новый мясоперерабатывающий комбинат. Игараси предстояло убедить руководство комбината, что их сосискам, сарделькам и колбасам просто необходимы оболочки, сделанные в Японии. Похожие на использованные презервативы образцы продукции лежали у него в аккуратном портфельчике.

На безлюдной платформе японца никто не встретил. Выла метель. Он спросил у единственной живой души, старухи в растрёпанном полушубке, где находится гостиница «Меридиан». Та сказала, что идти надо два километра «во-о-она туда». Что же делать, Игараси-сан пошёл, не зря иероглифы его имени и фамилии означают «шаг за шагом» и «пятьдесят штормов».

Мне назначил государь в путь отправиться в Коси,
И приехал я туда, где идёт неслышно снег.
Краснояшмовых годов уж пять прошло, пять лет не спал
Я в плену у милых рук на расстеленных шелках...

Пассажиры проносившихся мимо поездов имели возможность увидеть, как сквозь снег вдоль путей ковыляет в длинном чёрном пальто скрюченная кривоногая фигурка с портфелем, а на некотором отдалении за нею следует высокая старуха в полушубке из овчины.

Заметив за собой старуху, Игараси убыстрил шаг, почти побежал. Ограбит его ведьма или, того хуже, убьёт! Хотя Игараси-сан и являлся потомком самурая, отношение к смерти у него было несамурайское. Когда пять лет назад умерла его жена и родня торжественно складывала её прах в урну, выбирая палочками сохранившиеся кости: сначала ног, потом остального, до фрагментов черепа (даже после смерти никто не хочет стоять вверх тормашками, не так ли?), Игараси-сан испортил печальную церемонию – он выронил на пол кусок нижней челюсти жены и сам свалился рядом.

Японец перевёл дух: о-кагэсама-дэ, отстала наконец старуха. Теперь можно помечтать о тёплом душе и чистой постели. Но сервис гостиницы «Меридиан» даже самого неприхотливого постояльца лишал добродетельности. Дверь в номер не запиралась (Игараси-сан подпёр её платяным шкафом), а в полночь у соседей началась пьянка. Игараси ворочался в постели под чужие пенье и галдёж, раздражённо думая, что громкий притворный смех выдаёт у мужчины недостаток уважения к себе, а у женщины... что он может выдавать у женщины... Похотливость, наверное.

За стенкой раздались шум драки и вопли: «убивают!» Потом кто-то стал ломиться в номер Игараси-сана – от сокрушительных ударов в дверь шкаф заходил ходуном. Японец больше не раздумывал: он схватил портфель и не слишком складно выпрыгнул из окна. К счастью, в «Меридиане» было всего два этажа.

Его отвезли в самую обычную районную больницу – с духотой и сквозняками, с запахом болезней и лекарств, с не запирающимися (в интересах больных, конечно) кабинками туалетов, с криками боли по ночам и утренним вывозом умерших на грузовом лифте, где к стене была приклеена скотчем иконка-календарь. Положили Игараси под большим фикусом в коридоре между мужским и женским отделениями.

Здесь подрабатывала сиделкой статный воин Света. Именно воином она была. Сиделкой её называть язык не поворачивался, потому что сиделка – это пассивное кроткое существо, которое с вязанием или мобильником тихонько сидит возле больного, изредка давая ему попить, если он очнётся. А Света ни минутки не сидела. Десять старух находились под её платным надзором, каждую надо было накормить, подмыть и протереть, перепеленать. Пока Света ловко обрабатывала их дряблые промежности, старухи в полубреду называли её мамой и всё просили за руку их подержать, но Света отказывала, она знала, что это они последнюю энергию из неё высосать хотят.

Война Светы – против смрада и разложения, когда плоть отказывается подчиняться человеку – шла на самом последнем рубеже. Её главным оружием были мочеприёмники, одноразовые силиконовые перчатки, детская присыпка, слабительные свечи, баллончик с ароматной пенкой, памперсы.

– Утка нужна? Может, обтереть вас? – спросила она япон-

ца.

У Игараси-сана имелся опыт телесного общения с блондинками. Когда Света брызнула ему на живот пенкой, он вздрогнул и игриво спросил:

– Горных мужчин не боитесь?

– Вы с гор спустились, что ли? – спросила она, мягко прозвонившись “г” на южнорусский лад.

– Извините. Не горных, а голых, – смутился он. – Мы, японцы, ваши буквы “л” и “р” путаем.

– Никаких мужчин я не боюсь, ни одетых, ни голых, – с презрением ответила Света, не прекращая работы.

– Вы одна живете?

– Сейчас одна. Дочка в Перми учится на коммерческом... Ещё Яшка со мной жил... – на её лице проступила лёгкая тень. – Прошлым летом в форточку улетел. Ласковый был попугай, всё причёску мне перебирал: «Давай поцелуемся!» Иногда матом ругался – «Вася, иди ты на ...». Вася – это мой муж покойный, пил сильно... Для него Яшку и купила, чтобы речь после инсульта восстанавливать.

Она укрыла Игараси-сана одеялом.

– Всё. Ладушки. Если что, зовите. Я тут круглые сутки.

Японец проводил женщину взглядом. Её вздыбленные жёсткой химией волосы показались ему шлемом воительницы. Сан ва кирэй дэс нэ... Да. Красивая.

Ночью господину Игараси приснился театр Кабуки. Показывали легенду о создании Японии. Юная богиня Изанами

со своим будущим мужем спустились с неба и были счастливы на островах, пока не случилась беда. Родив бога огня, Изанами умерла, унеслась обратно на небо и превратилась там в чудовище, богиню смерти.

– О-о-о-уи!

—И-и-и-о-ои!

Лица, позы и возгласы были выразительными до слёз. Журчала флейта хаяси, постанывал барабан цудзуми, и подражал журавлиным голосам, умилял душу любимым сями-сен. Звуки музыки зависали в воздухе и таяли медленно, словно нежные португальские сладости в жаркий день. Тинтон-сян...

Полетели, закружились белые лепестки, из-за зонтика выглянула красавица с утыканной цветами прической. Это была Изанами. Как птица крыльями, замельтешила она своими длинными рукавами.

Ладу-ладу-ладушки, где были – у бабушки,
Там чернеет одинокий вяз и на вязе вызрели плоды,
Тысячи слетелись разных птиц,
Но тебя, мой милый, нет и нет.

Богиня приблизилась к Игараси – её лицо показалось знакомым. «Света-сан!». Сиделка ответила Игараси-сану нежным прикосновением веера и вдруг навалилась на него, властно потащила из сна. Он открыл глаза: в свете ко-

ридорного ночника рядом на подушке лежала растрёпанная седая голова. Да это сама Смерть!

Крики японца и старухи перебудили всех – даже тех больных, которые вечером приняли снотворное...

– Она просто слепая и глухая, в туалет пошла и заблудилась, – оправдывала столетнюю бабулю Света, делая Игараси успокоительный укол.

Наутро она отвела его в женскую палату, чтобы предъяснить ночную визитёршу. Обложенная тремя подушками, в расцветенной васильками ночной рубашке и в антиварикозных чулках та, свесив свои древние ноги, сидела на кровати, смотрела вдаль невидящими глазами и не подозревала, что на её тумбочке остывает, превращается в холодную лепёшку манная каша.

Игараси-сан стал кормить слепую. Он прижимал чайную ложечку к её нижней губе и, когда бабуля приоткрывала беззубый рот, отправлял туда кашу, время от времени осторожно собирая подтёки манки с фарфорово-хрупкого, обросшего белыми волосками старушечьего подбородка. Бабушка ела сосредоточенно, как ребёнок, и японец вздохнул от переполнившего его умиротворения.

– А теперь, девонька, спинку мне почеси, – икнув, попросила слепая.

– Т-тикусё!! – Игараси даже хрипло хохотнул – на плече у неё было скопление родинок, вместе они образовали иероглиф огня.

– Изанами, а ведь я тебя больше не боюсь, – хитро шепнул он старухе по-японски. – Ты совсем не страшная.

– Вот и я говорю. Меня вчера лазарем лечили, да толку что, – откликнулась слепая. – Жить не живу и помирать не помираю. Похоронное платье моё моль съела ещё в позапрошлом году... Правее почешу... Под лопаткой...

Вечером к нему снова пришла Света, и пенка снова была прохладной на его коже, а женские руки – тёплыми.

– Трудновато вам, наверное, в чужой стране, – сказала Света. – Всё не так, всё не по-вашему. Я бы не смогла.

– Когда первый раз в Москву приехал, прочитал “ЗОО-ПАРК” над воротами и подумал, что это парк номер триста, – сказал японец. – Ну надо же, я удивился, в Москве столько парков!

Игараси-сан и Света дружно расхохотались. Он – дробно и заразительно, обнажая красивые зубы цвета слоновой кости, она – поблескивая золотой фиксой и вытирая слёзы.

– Ой не могу! Парк номер триста! А я вот недавно что учудила... Поставила утюг на полку холодильника – вместо шкафа!

– А у меня будильник однажды вместо шести утра зазвонил в три ночи, – не уступил ей Игараси.

– И??

– Я встал, оделся, позавтракал и пошёл на работу.

Они опять расхохотались.

– А у меня палец... смотрите, как выворачивается... ни-

кто так не умеет, – продолжила весёлое соревнование Света.

«А я целых две минуты не дышать могу», – хотел парировать он, но сиделку позвали к больной.

– Говорят, вас в хорошую больницу переводят? – спросила Света напоследок.

– Нет. Я уже здоров. И у меня здесь командировка важная.

– Ну и ладушки! До завтра тогда?

– Да-да! Аригато, Света-сан, – радостно поблагодарил он.

И вот лежит весь перемазанный зелёнкой маленький японец под фикусом в коридоре районной больницы в никому не известном городке Т. в стране незапирающихся дверей. Столько здесь этих аномальных дверей – с ума сойти. Его кровать находится на очень бойком месте: мимо стремительными ангелами проносятся медсёстры с капельницами в руках, прогуливаются ватаги бодрых бабок в байковых халатах, шмыгают на слабых ногах всерьёз захворавшие мужики в тельняшках и подгузниках. Но японец засыпает всё крепче.

И начинает он видеть сон – будто кто-то строит лестницу на самое небо.

– Неси раствор, краску давай, балки тащи! – раздаются крики из-под облаков. – Вася, а иди-ка ты...

Это беглые попугаи в небесах кричат, улыбается Игари-си-сан.

Баю-баюшки баю, не ложись ты на краю,
Придёт серенький волчок, он ухватит

за бочок

И потащит во лесок. Под ракитовый кусток
На вершину Ёсино, где идет все время снег,
Где за каменным мостом видно пики Миканэ,
Говорят, что ночи там ягод тутовых черней.

Тин-тон-тен... Завтра будет день.

ЛЕНА ШОАЛЬ

Я с грохотом вытащила из кухонного шкафчика доску и пошарила по столу в поисках деревянной держалки для ножей. Какая беспомощность... За это время можно было не только слепить сэндвич, но и съесть его, запивая чаем, и журнальчик пролистнуть, и даже чашку за собой вымыть.

И тут меня схватили за плечи.

– Кто здесь? – закричала я.

Глупый вопрос – дома только мы с Гавриченко находились. Никиток был у свекрови.

– Сто раз тебя просила! – я лягнула мужа.

Ошалев, он закрылся руками.

– Заяц, ты что?

– Ничего!

Мне стало стыдно за свою несдержанность, но я все равно докричала.

– Не трогай меня за шею! Не люблю я этого!

Он не обиделся. Только кивнул на кухонный беспорядок:

– Шаришь тут, как сомнамбула.

С Гавриченко вообще легко. Хотя всякое у нас бывало, разводиться даже как-то собирались.

Я съела добытый с таким трудом сэндвич и стала собираться.

– В магазин съезжу! Скоро не жди! – предупредила я мужа, застегивая молнию на сапоге. Он поддержал меня за локоть.

– Ты так и не сказала, почему с закрытыми глазами по квартире ходишь.

– Да... представить захотела... как слепым живется.

Мы постояли перед распахнутой дверью, оценивая векомость произнесенного. Муж набрал дыхания для следующего вопроса, но я его опередила:

– Пока! – и выскользнула за дверь.

В трамвае я прочитала на своем билетике рекламу: «Кукольный театр «Лена Шоаль» – и мимолетно подумала: «Никитка, что ли, сводить?»

Сзади меня болтали девушка и парень. Он был к ней равнодушен. А она, судя по голосу – вся из себя приезжая и целеустремленная – без конца упоминала какого-то Егорова. Через пять минут мне стало ясно, что обладатель японского джипа и любимец компаний Егоров интересуется её больше всех мужчин на свете.

Я обернулась. Они оказались похожими на парочку с картины «Иван-царевич на сером волке». Девушка – ангел во

плоти. Но я порадовалась за её спутника, что эта сосредоточенная хищница не за ним охотится. «Мир звуков всё-таки честнее... Господи, только не дай мне ослепнуть!» – спохватилась я.

Весело позванивая, трамвай промчался сквозь аллею и снова вылетел на оживленную улицу. Разговор про Егорова закончился – парень и девушка вышли. На остановке они задели склонившуюся над урной бомжиху с рюкзаком и двумя пакетами. Отругав их, тётка полезла в вагон.

– Поак-куратней! Не к-картошку везешь! – крикнула она водителю, когда мы тронулись, и рухнула рядом со мной.

Я задержала дыхание, потом осторожно потянула носом, готовясь пересесть подальше. Бомжиха зашелестела пакетами, достала из них какую-то снедь, зачавкала. На пальце ее красовался массивный перстень.

И тут моя соседка закашлялась и, умоляюще выпучив глаза, показала на свою спину. Она подавилась. Я несколько раз крепко ударила её.

– Б-благодарю, – тётка вытерла скомканным платочком свои глаза и рот. Скорее всего, она была не бомжихой, а просто молодой пенсионеркой, собирательницей бутылок...

Я отвернулась к окну и снова стала думать о вчерашнем телефонном разговоре. «Извините, не мое дело, но кроме вас, у него ведь совсем никого...» – сердобольная душа говорила о моем отце, которого я не видела двадцать лет и еще столько же не собираюсь видеть. Пусть помирает в тем-

ноте и одиночестве. Я только не понимаю, как он – при его-то характере – смог бросить нас с мамой.

Как сейчас себя вижу – прыгаю перед ним по лесной дорожке, возле меня с исступленным нежным пением кружат комары, я отгоняю их сорванным папоротником и смеюсь.

Дождавшись, когда я поутихну, отец признается:

– Ладно, насчет тигров я загнул. Но волки здесь точно водятся.

Ветер приносит издалека то музыку, то просьбы к какому-то Иванову зайти в дирекцию дома отдыха. От шеи моей пахнет гвоздичным одеколоном (протерев ее, мама с укором показала потемневшую ватку). У меня загорелые, покрытые белым пушком руки, нос в редких бледных веснушках. Недавно, с большим опозданием, выпали мои маленькие передние молочные зубы, а на их месте выросли два больших и страшных, с зазубринами. Зато в щель между ними удобно плевать. «Надо к стоматологу её сводить», – уже не раз напоминала мама отцу.

Сама она ходила только на работу. А по выходным пила белые и желтые таблетки, садилась поудобнее в кресло, пристраивала грелку на живот и начинала свою бесконечную работу: что-то шила, вязала. Когда отец звал её погулять с нами или сходить в кино, но она просила, чтобы её оставили в покое. Однажды он рассердился и сгоряча назвал её курицей, которая копошится в нитках. Мама заплакала, он долго выпрашивал прощение. Она кротко ему отвечала, не подни-

мая головы. В её кротости было железо, а в его горячности – слабость.

Мы с отцом всегда гуляли вдвоем. На даче он сажал меня на велосипед, мы мчались по сумеречной дороге, распугивая ежей. Или шли с удочками на озеро, где водились маленькие бесплотные рыбки. «Уху сегодня есть не будем?». «Нет, мама варит суп с пампушками». «С чем? С тритатушками? – веселил он меня. – Или с лопотушками? А-а, понял... с хототушками!». И мы отпускали рыбок.

А в Москве, бывало, оденемся потеплее, выйдем на улицу, он спросит: «Ну, куда?». Я наугад махну рукой, схвачусь за его палец и мы отправляемся в путешествие по чужим заснеженным дворам и незнакомым улицам. Если заходили далеко, отец испуганно объявлял: «Заблудились!». Но я-то знала, что он шутит. И еще знала, что в кармане у него лежит бумажный пакет с бутербродами и яблоко...

Соседка задела меня рюкзаком, и привидевшиеся мне картинки сразу испарились в холодных московских сумерках. Хотя я мысленно поблагодарила «бомжиху» за то, что она вырвала меня из этих воспоминаний.

Тетка засобиралась на выход. Столько неприятной возни она устроила со своим барахлом. Копошилась над рюкзаком, крутила его в руках и была похожа на насекомое, которое создает из бессмысленного комочка только ему известную конструкцию. От усилий шаль сползла с теткиной головы,

открыв жиденькие светлые волосы, собранные на затылке в тощую какашку.

А дальше началась моя галлюцинация. Я беспомощно наблюдала, как рюкзак под теткиными ладонями округлился и запульсировал, потом пошевелились пакеты, из одного высунулась собачья лапа. Тёткина поклажа ожила прямо на моих глазах, превратившись в три самостоятельных существа: улитку с огромным позолоченным панцирем, голую собаку, всю в розовато-синих прожилках, и живой шар, похожий на хрустального ежа. «В улитке – мудрость, в собаке – защита, в шаре – сила», – узнала я, хотя никто мне ничего не говорил.

Освободив руки, моя соседка величественно поплыла к выходу. Существа двигались впереди нее. Бахрома на шали «бомжихи» медленно колебалась в такт ее шагам. Вся процессия увязала в ставшем тягучим воздухе. Но остальных пассажиров этот безумный зоопарк не смутил. Только сидевший напротив малыш выкинул пальчики в сторону шара, горячо залепетал, обращаясь к своей матери. Та бессмысленно посмотрела, зевнула и отвернулась.

Когда «бомжиха» вывалилась из трамвая, ничего необычного в ней уже не наблюдалось. Она поправила рюкзак и, расталкивая встречных, по-утиному заковыляла в сторону Пятницкой улицы. А я, как утопающий в соломинку, вцепилась в поручень переднего сиденья. Что это было? Мировой порядок вещей, к которому я привыкла за почти тридцать лет жизни, показался непоправимо нарушенным. Надо

было как-то остановить этот конец света. Нет, лучше сойду с ума я, а не целый мир. И я начала внушать себе, что все это мне померещилось. Просто какой-то маленький винтик в мозгах развинтился... Главное – не смотреть, не слушать, отказываться узнавать дальше. И – бежать, бежать!

Выскочив на следующей остановке, я понеслась знакомым переулком, где стояли домики с деревянными надстройками. Их потемневшие наружные лестницы вели на вторые этажи, заканчиваясь там маленькими тамбурами. Деревья переулка были выше домов, а во внутренних двориках, казалось, уже сто лет сохло на знакомых веревках белье и ржавели старые машины.

В прежние дни, гуляя здесь, я с любопытством заглядывала в подслеповатые окна этих ветхих человеческих гнезд. Это место всегда лечило меня. Оно и сейчас помогло мне. Я замедлила шаг, сердце стало биться спокойнее.

«Кукольный театр Лена Шоаль», – полыхнуло на фоне темнеющего сиреневого неба. В конце переулка находилось трехэтажное здание бывшей школы, отданное под офисы – на его крыше буквы и загорелись. Я нащупала в кармане билетик и осторожно прислушалась к себе. Почему бы не заглянуть туда? Просто на минутку, из любопытства. Пусть мой трамвайный кошмар поймет, что у меня есть дела поинтереснее.

Я спустилась в обшарпанный подвал, куда указывала стрелка. М-да, храм искусства, все средства на рекламу по-

шли.

– Ч-что так поздно, – проворчала из окошка единственная гардеробщица. – Вторая дверь налево! Не ш-шумите там.

Откуда у неё убежденность в моем интересе к их постановкам? Через минуту, ругая себя за слабоволие, я уже обменяла пальто на алюминиевый жетончик с номером «1486».

За дверью некто с фонариком – билетерша, надо думать – властно схватил меня за руку: «Идите з-за мной!» – и, впечатав в мою ладонь свой огромный перстень, отвела к крайнему креслу.

Показывали детскую сказку. Куклы выглядели аляповато, но двигались замечательно. Не верилось, что ими руководили.

Я почти разобралась в главных персонажах, когда свет на сцене неожиданно погас. Вскоре нервные смешки и ропот в зале стали громкими – зрители догадались, что эта абсолютная темнота не запланирована сценарием. Их успокоил голос из темноты: «Просим вас не уходить. Свет отключился из-за аварии на подстанции. Мы продолжим через несколько минут». Прошла четверть часа, а собравшиеся все терпеливо ждали, поигрывая огоньками своих мобильных.

Мой мобильник был оставлен дома, но я без труда нашла выход. По стеночке добралась до гардероба, второй раз за день играя в слепых, только теперь не по собственной воле. Нашупала знакомое окошко, чтобы постучать, и попала рукой в живое. Раздались два вопля – мой и гардеробщицы.

– Вы там?

– Там-то я т-там. А пальто вам не дам, – в рифму огрызнулась она.

– Ну пожалуйста, найдите, вы его совсем недавно повесили, – взмолилась я.

– В такой ть...темени?

Я продолжала канючить, и старуха сдалась. Послышались шум отодвигаемого стула, шарканье ног и стук металлических перекладин. Продолжая ворчать: «Тьма египетская, обслуживай их тут», – она сунула мне одежду.

Что она выдала мне чужое пальто, я поняла, уже надев его. Оно было большое, с пуговицами на мужской стороне.

– З-запутала ты меня! – ещё больше рассердилась старуха. – Всё! Ждите, пока свет дадут. И не шуми тут!

– Да не могу я ждать! – (вот дернуло меня зайти в этот подвал). – Мне ребёнка забирать из садика! – хотя я соврала, слёзы в моем голосе были неподдельными.

Наступила глухая тишина, в темноте это было особенно неприятно. Потом старуха неожиданно коснулась моего плеча.

– Милка... знаешь что, иди к главному администратору, – сказала она, плавно переходя с «ты» на «вы» и обратно. – Пусть Марина Ивановна с вами разбирается. Т-три ступеньки, за ними поворот, и дверка... Давай, давай, не б-бойся!

Я побрела, забыв снять чужое пальто. Долго блуждать не пришлось: яркий свет пробивался из-под двери кабинета.

Наверное, у администраторши были автономные лампы.

– Марина Ивановна? – обратилась я к стоявшей возле стола приземистой женщине.

Она обернулась, и я сразу забыла, зачем пришла. Это была «бомжиха» из трамвая.

– М-Морена Ивановна меня зовут, – строго поправила администраторша. Она говорила со спокойными запинками, как человек, недавно излечившийся от заикания.

– Да-да, – опомнившись, я рассказала о своей проблеме. – Вы войдите в мое положение.

– Ну каждый день жалобы на этот гардероб! – возмутилась администраторша. – Пора увольнять бабулю. А... вы уверены, что пальто чужое? – её выщипанные бровки насмешливо приподнялись.

– Абсолютно уверена, – я сунула руки в карманы.

В одном было яблоко, в другом – завернутые в бумагу бутерброды. Потом, сама не зная зачем, я понюхала рукава пальто. Запах был из детства. Оттуда, где остались заснеженные московские дворы и большая рука, сжимавшая мою ладонь: «Опять мы заблудились, Зойка!»

– Не может быть...

– Почему не может? Если вы думаете об этом весь день, – сощурилась она.

Заметив мою дрожь, Морена Ивановна усмехнулась:

– Да не пугайтесь вы так. Это всего-навсего реквизит. Ведь мы театр.

– Понятно. А режиссером у вас – Лена Шоаль, – я решила показать осведомленность. – Или это название?

– Название разным бывает, – загадала она новую загадку.

– Морен Иванна, – обратилась я уже совсем по-свойски. – Вы сегодня ходили с такими... тремя... они перед вами плыли по трамваю... Куда они подевались?

– Никуда не подевались. Они часть творческого процесса.

Это было произнесено с таким пафосом, что я подумала: «Ага, а вы сами – доктор кукольных наук. Мадам Карабас Барабас!»

Администраторша вредно прищурилась.

– А ну-ка, возьмемся за руки, – приказала она. – Покружимся, покружимся!

Комната и шаль Морены Ивановны слились в разноцветное пятно. Когда я, покачиваясь, остановилась, администраторши рядом не было. Зато был слышен разговор. Мужчина с маленьким подбородком и манерами старомодного слуги говорил о своей жене, что она приболела – древесный жучок её замучил. «Как человека может замучить древесный жучок?» – подумала я. Но тут же рассудила: да это комод и стол говорят о двери. И совсем не удивилась, когда дверь скрипнула и обернулась пожилой дамой с высоко зачесанными волосами, в которой я признала Морену Ивановну.

– У вас есть воображение. И смелости достаточно. Вам следует посмотреть настоящий спектакль, – решила администраторша, задумчиво помассировав свой перстень.

– Кукольный?

– Да. Просто куклы разными б-бывают.... Соглашайтесь!
Наш театр поможет вам ... Чтобы вы не повторили одну ошибку.

– А это не опасно? У меня вообще-то ребенок маленький.

Она не слишком уверенно покачала головой:

– Если скажете «нет», настаивать не буду. Я дама покладистая.

Но я уже почувствовала прилив шальной храбрости и согласилась.

Тогда Морена, подойдя ко мне вплотную, заговорила совсем другим тоном – будто речь шла о спасении души:

– П-пойдешь на первый же шум. Не оборачивайся, если тебя позовут, чей бы голос ни был.

Изо её рта пахло леденцами от кашля, на лбу блестела плохо припудренная бородавка – это успокаивало. Но краем глаза я успела заметить, что на столе у администраторши шевелит рожками золотая улитка.

– Главное, не разговаривай ни с кем. Ты – зритель.

Убедившись, что я запомнила её наставления, она за плечи подвела меня к распахнутой двери, слегка подтолкнула, и я снова очутилась в крошечной темноте. «Зоя, Зоя, куда ты?» – закричали и заплакали за моей спиной. Голос был похож на мамин. Потом муж позвал: «Заяц!». Я не обернулась.

Мне казалось, что я бреду тем же знакомым коридором,

пока стена не уплыла из-под руки. Вдали закричала морская птица, я неуверенно пошла на её крик и увидела слабый просвет. Это был выход. Там тоже было темновато, но мне достаточно было одного взгляда на пейзаж с островерхими пагодами и домиками на сваях, и одного вдоха влажногопряного воздуха, чтобы понять – спектакль будет на восточную тему. Вот это театр!

Внизу с тихим плеском покачивалась привязанная к опоре лодка. Возле соседнего дома тоже были лодки. Этот город располагался на воде, как Венеция.

– Оставь меня в покое, Лек! – закричали из комнаты, где горел слабый огонек.

Я на цыпочках прошла по рваным циновкам. Губастый парень в мятых коротких штанах сидел на полу перед миской супа и грубо хватал девушку, которая ему прислуживала.

– Ты о себе много возомнила, а сама даже томхакаи сварить не умеешь, – со смехом сказал он ей. – Деревенщина.

– Тяй-йен-йен! Не трогай её, сынок. Ей надо хорошо выглядеть сегодня, – проворчала из угла похожая на жабу женщина. – Эй, Май! Намажься как следует. А то будешь, как цыпленок без пуха.

– Тётя, я не хочу, этот китаец такой старый! – взмолилась девушка.

– Ну и что? Лучше быть зазной у пожилого, чем рабыней у молодого!

– Однажды я тоже стану богатым, как этот Чанг Жень, –

с завистью сказал Лек.

– Хфа, – фыркнула его мать, – не стремись к невыполнимому, не то надорвешься. Видел, какую кучу слон накладывает? Сможешь наложить такую же?

Лек самолюбиво дернул плечом и проворчал:

– Эти китайцы ведут себя, словно властители мира.

– Они и есть властители...

Меня говорившие не увидели. Меня вообще в этом городе никто не видел, как я вскоре догадалась. Лишь на Висаха Пуджа, когда народ с благовонными свечками и цветами ходил вокруг храма, один монах двинулся в мою сторону. Но тут же передумал, словно его остановило что-то за моей спиной. Голая собака Морены Ивановны меня охраняла (я слышала рядом частое собачье дыхание и поскуливанье), или администраторша самолично следила за порядком? Её золотая улитка померещилась мне один раз среди солнечных зайчиков в речном водовороте.

Спектакль оказался документальным, как сама жизнь. Переносясь из одного места в другое и наблюдая сценки, я почувствовала, что вспоминаю этот мир, будто бывала здесь прежде. Мне только трудно было поверить, что всё это пело и шумело, плескалось и благоухало, распуская свои влажные лепестки, для одной-единственной зрительницы – меня...

Город у воды назывался Аютхайей, а история крутилась возле жившей там в незапамятные времена сиамской девушки. Она была сиротой, которую тетка взяла из деревни в сто-

лицу, чтобы иметь бесплатную служанку. Но Май выросла красивой, и тогда теткины планы расширились.

Она познакомилась с племянницей с китайским купцом, чья огромная джонка с красными парусами, похожими на расправленные крылья дракона, останавливалась в Аютхайе по пути в Персию. Купец обычно дополнял местной посудой свой бесценный груз сине-белого фарфора и зелёного селадона.

В первое же свидание Чанг Жень захотел подарить Май дорогое нефритовое ожерелье, но сирота отказалась.

Потом она, свернувшись нагим клубочком, лежала и смотрела на строгий профиль гостя, на его седеющие виски.

– Вот как бывает... – он с грустью провел пальцем по стоявшим на полу колокольчикам с изображениями слонов. – Нашёл прекрасное дерево, а топор сломан.

Май захлестнула волна жалости к мужчине.

– В другой раз всё получится, – и девушка робко погладила китайца.

Она оказалась права: во время следующего визита её гость был таким, каким хотел: то нежным, то жестоким. И были мгновения, когда он терял голову, как мальчишка. В знак благодарности за удовольствие господин Чанг разложил перед Май деньги. Но она снова отказалась, потому что решила оставаться хозяйкой хотя бы собственной душе. И обескураженный китаец подумал, что эта девушка не похожа на других.

Зато тётка с удовольствием выкладывала свои увесистые серебрянные пульки-монеты в длинную гусеничку.

– У меня тут денежный угол! – хвасталась старая сводня. – Когда серебрянный червяк доползет до вон той стены, купим большую лодку, найдем рыбаков.

– Заживем! Интересно, где этот Чанг деньги прячет? – смеялся Лек. Глаза его оставались злыми. Ему самому нравилась Май.

Ни Лек, ни его мать не догадывались, что их бизнес положит начало долгой любви для двух других. Теперь каждую зиму, когда китаец отплывал из Гуанчжоу с новым грузом, он знал, что главной остановкой на его пути будет Аютхайя. Май тоже ждала встречи – сдержанный и заботливый Чанг Жень все-таки проложил путь к её сердцу.

Сначала девушке было лестно, что она уладила высокомерного иностранца, который теперь уважительно называл её хун Май. А потом она просто влюбилась во всё, что он говорил и делал. Даже когда китаец ел свой суп, шумно засасывая лапшу, она не могла оторвать восхищенных глаз. Им было хорошо вместе – их души и тела переплетались друг с другом, как два нежных червячка в зелёном листке (ну и сравнения ко мне стали приходиться).

Чанг поселил свою наложницу в отдельном домике и нанял ей двух служанок. Он был женат, но Май всё равно мечтала, что однажды её любимый останется в Аютхайе навсегда. Гости на их свадьбе будут лить святую воду из морских

раковин на руки и головы молодоженов, желая им здоровых детей.

– Хун Чанг, – Май игриво дернула китайца за растрепавшуюся косу, когда они вечером катались на лодке. – А ведь нашему ребенку могло исполниться шесть лет в этом году. Я бы сказки ему уже рассказывала... Про то, как девушка семерых юношей в рабство продала! – звонко рассмеялась она.

Её спутник словно не услышал. Он заговорил на совсем другую тему, показывая в сторону дворца, где новый король возводил ступы в память своих отца и брата:

– Что они там строят?

Май грустила – господин обычно понимал её с полуслова, недаром он был родом из южной провинции.

Но он неожиданно засмеялся (конечно, слушал!):

– Надеюсь, это была бы не девчонка. У женщин, рожденных в Год Огненной лошади, опасный характер. Мужчины на таких не женятся.

Чанг Жень внимательно посмотрел на Май. Подсвеченная оранжевым фонариком, она казалась очень юной в своём новом шёлковом наряде.

– Какое у тебя настоящее имя, Май? – спросил он.

Она пропела с улыбкой:

– Вы же знаете – имена нельзя раскрывать. А я хочу счастливой оставаться.

– Я тоже очень счастлив... – сказал китаец дрогнувшим голосом, – что встретил такую женщину. Ты прекрасна и из-

нутри, и снаружи.

– Кху кхаан... любимый... Ну так оставайтесь здесь. Если вам лучше со мной, чем с...

– Я этого никогда не говорил.

Маи вынула из волос цветки и бросила в воду. Она была страшно оскорблена, но волю чувствам дала только дома.

– Поссорилась со своим господином? – злорадно спросил Лек. Он и тётка постоянно крутились около, выклянчивая подарки.

– Он мне не господин больше, – сквозь рыдания ответила Маи.

И так велика была её обида, что она рассказала Леку, где китаец хранит деньги и ценности. Пусть его обворуют, ей не жалко!

Когда наутро Маи одумалась и поспешила к Чангу, она застала там страшную сцену – Лек душил её господина. «Чу-ай дуай, на помощь!» – подняла тревогу девушка. Лек разомкнул руки, но, к ужасу Маи, Чанг уже не шевелился.

– Ты же сама послала меня ограбить его! Притворщица! – закричал Лек. – Мертвеца под листком лотоса не спрячешь. Решила меня в тюрьму упечь?

Вытащив нож, разъяренный кузен полоснул её по лицу:

– Теперь никому не будешь...

Лек не договорил. Он в изумлении посмотрел на Маи и сполз к её ногам, а

Чанг Жень отбросил свой нож. Потом китаец долго хри-

пел и откашливался, держась за шею.

– Ку кхаан, простите меня! – повторяла Май.

Кровь сочилась между её пальцев, на полу стонал раненый Лек.

Всё это выглядело так невыносимо натуралистично. Я отвернулась.

Его величество Раматхибоди Второй не мог оставить безнаказанным нападение на важного гостя. Преступников бросили в тюрьму, там Лек и скончался. Май выпустили через год, она стала нищей – тётя прибрала к рукам всё её имущество. И плохие люди, которые прежде заискивали перед наложницей богатого китайца, теперь посмеивались ей в спину. А, если разобраться, в чем она была виновата? – Только в том, что ляпнула что-то сгоряча негодяю Леку.

Я бы давно подошла к ней утешить, если б не предупреждение Морены Ивановны: «Помни, ты зритель». Мне было очень жаль эту бывшую красавицу, которая теперь прятала свой шрам, зачесывая волосы на лицо. Единственным, что давало Май силы, была надежда на объяснение с любимым.

И вот настал долгожданный день, когда джонка с драконьими парусами появилась в порту Аютхайи.

– Хун Чанг! – нищенка бросилась в ноги к сошедшему на берег китайцу.

Он едва признал в ней свою бывшую возлюбленную. Чанг Жень давно принял решение не прощать её, но девушка

преследовала его, и в конце-концов он заговорил с Майи, взял её за руки.

Ночью сиамка беззвучно плакала от счастья на его груди. У Чанга тоже перехватывало в горле. Но этот средневековый бизнесмен был очень жёстким человеком. Наутро он положил девушке на живот тяжёлую монету-пульку – молча расплатился за услуги, и ушёл... Вот, скотина! Секс-турист китайский.

Действие перенеслось на его отплывшую джонку. Там этот Чанг себе места не находил. Потому что в глубине души он продолжал любить Майи, хотя по ошибке принимал свою любовь за ненависть. Я смотрела на него без сочувствия, но постепенно – вот чудеса – его боль передалась мне и стала едва выносимой.

Он вспоминал глаза Майи, когда та лежала с этой проклятой монетой в пупке, и думал: «Надо вернуться». Или это я сама шептала?

– Господин Чанг!

Он обернулся, наши взгляды встретились.

Звук, протяжно-тягучий, как удар храмового гонга, родился в глубине моря, прорвался на поверхность, завибрировал между нами, достигая нестерпимой силы.

Вот почему тот мир казался мне знакомым, а напевные странные названия то и дело всплывали в голове! Вот о чем рассказывали мои детские сны. И этот жест – кончиком указательного пальца по контуру губ. И иррациональная боязнь

быть задушенной... Никто не забывает себя полностью.

Моряки забежали по палубе, убирая паруса. Была причина их беспокойства в этом разрастающемся звуке, или в маленькой тучке у горизонта? – Я так и не узнала, потому что спектакль оборвался. Вместо солнца в небе закрутился хрустальный ёж, а тучка выросла и разделилась на две огромные человеческие тени. Судя по позам, они собирались подраться за растянутым во весь небосвод тонким светло-серым занавесом.

– Что она здесь делает? – раскатисто загремел сердитый бас.

– Её п-последний круг! – прошевелила губами грузная тень с китайской прической. Это была Морена Ивановна.

– Она его уже профукала! – бас был похож на средневекового монаха в капюшоне. – Не пропущу!

– Пропустишь!

Из-за моей спины, глухо зарывав, выскочила голая собака администраторши. Я сообразила, что она покажет выход. Собака бросилась к занавесу. Когда она заползала под него, я успела разглядеть знакомый коридор с почерневшим паркетом и три ступеньки в кабинет. За занавесом началась свалка: тень собаки вцепилась в ногу оппоненту Морены Ивановны, а гигантская тень администраторши дубасила его по голове...

Постояв в пустом кабинете Морены и не дождавшись её, я прошла в гардероб. Свет горел везде, но в театре было

тихо. Зрители давно разошлись. Ушла и строптивая гардеробщица, бросив мое пальто у окошка. Я машинально оделась, вышла на улицу, побрела по переулку. «Чудно всё-таки выглядело, когда тени за занавесом развалились на клочки и рассеялись, – вспоминала я. – Будто облака, разогнанные ветром».

О каком последнем круге они говорили? Надо мне было дожидаться Морену Ивановну. Вот прямо сейчас вернусь и расспрошу её: что такое неправильное делаю в своей жизни?

Я поспешила обратно к подвалу, но наткнулась там на запертую дверь с заржавевшим замком. Проход был засыпан давно сопревшими листьями, а на двери висело старое объявление: «БТИ переехало в дом 20/30». Я присела на грязные ступеньки, закрыла лицо руками. Глаза Майи без укора смотрели на меня. Нет, это уже не она. Это невидящий взгляд моего отца. И как я, самодовольная кукла, посмела наказывать уже наказанных?

– Дедушка, что это за карта у тебя на стене?

– Это карта старинных кораблекрушений. Учёные изучили обломки кораблей, потом рассказали их историю.

Он всегда увлекался археологией. Как ужасно было бы, если б я лишила внука такого интересного деда.

А ведь в первый раз отец не поверил, что это именно я к нему пришла. Мы сидели в его полной пустых бутылок комнате, и он, такой жалкий в надетом задом наперё

д пуловере, с треугольным вырезом на спине, всё переспрашивал:

– Вы – вправду Зоя? – боясь прикоснуться.

Потом подвинул ко мне хлеб и банку варенья.

– Вы пейте чай.

Батон был зелёным от плесени.

Отец не жаловался на свою слепоту, о ней мне рассказали ложечка, ручкой вниз поставленная в чашку, и электронные часы, каждые пятнадцать минут объявлявшие время буратыным голосом.

– Помнишь, ты однажды мне фокус показывал, палец хитро так поджимая? – я слегка пожала его руку. – Я, когда разобралась, назвала тебя «оманщиком». Та к ты этим «оманщиком» до-олго меня потом дразнил.

Кодовое слово сработало, он улыбнулся. Но его плохо выбритый старческий подбородок задрожал ещё сильнее.

– Мама не разрешала мне тебя навещать...

Мы с Никитком часто приходим сюда. Я обстирываю отца, глажу, готовлю – короче, веду себя, как нормальная дочь. Но сердобольная соседка по коммуналке (та, что сообщила мне о его слепоте) до сих пор плачет от умиления, когда мы с сталкиваемся на кухне.

– Дед! – Никиток встал на цыпочки, читая карту. – Ле-на Шо-аль!

Сердце мое пропустило удар, я сразу отставила утюг.

– Так, риф Лена Шоаль, – увлечённо начал отец. – 1486

год. Китайский корабль... Китай тогда был повелителем морей. Представь себе, Никита... большая джонка, европейцы таких не строили... Плыла себе в мусульманские страны в девяностых годах пятнадцатого века, и вдруг затонула. Говорят, гигантский тайфун выбросил её на рифы... На борту находились китайский фарфор, керамика из Вьетнама и Таиланда... Но здесь есть тайна, которую учёные разгадать пока не могут. По идее, джонка должна была находиться к северу от рифа, а обломки почему-то найдены на южной стороне. Непонятно, что заставило капитана изменить маршрут и повернуть в сторону Таиланда.

– Мам, ты почему улыбаешься? – прервал его Никиток. – Мам! Отвечай!

Что я могу ответить? – «Сын, ты не поверишь, но я была китайцем, который плыл на этой джонке. Это моя любовная тоска развернула корабль, и всё закончилось бы хорошо ещё в первый раз, если б тайфун не вмешался в судьбу».

Сау тьяй, кху кхаан, сау тьяй... Поэтому мне дали второй шанс.

Пещера Максуса

Орлову и Воробушкиной было уютно чаёвничать вдвоём в кладовке. На полках стояли бутылки с ядовитыми лаками и красками, лежали бобины со струнами, деревянные заготовки теннисных ракеток, а на рабочем столе отголоском празд-

ника красовалась тарелка с разломанной на квадратики шоколадкой и остатками кулича.

– В семь вечера во вторник в первом подъезде состоится собрание. Повестка дня – выборы домового...

Орлов читал с расстановкой, чтобы во время пауз самому посмеяться и, главное, разделить веселье с Воробушкиной. Она никогда не подводила: охотно улыбалась и смотрела на него с нетребовательным обожанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.